

Давыдов А.П.

Поэзия выше морали (Повесть А. С. Пушкина «Египетские ночи»¹ и комментарий к ней Ф. М. Достоевского²)

Аннотация: В статье опровергается оценка Ф. М. Достоевским пушкинского стихотворения «Египетские ночи», высказанная им в «Пушкинской речи» 8 июня 1880 г. Пушкинский призыв к общечеловечности – основная ценность для Достоевского, но личностная идеология Пушкина, то есть смысл личности как основание общечеловечности – главный идейный противник Достоевского. И, восхваляя Пушкина за всечеловечность, Достоевский в своем комментарии разрушает основания пушкинской идеологии. Его интерпретация «Египетских ночей» – это попытка идеолога-почвенника уничтожить «личность», чтобы освободить место для «Бога» и «народа» как оснований русской культуры и тем самым поставить пушкинский текст на службу своей идее народничества и религиозности как основания собственного представления об общечеловечности. Пушкинская речь Достоевского объективно антипушкинская. Применен сравнительный социокультурный анализ текстов пушкинского стихотворения «Египетские ночи» и комментария к нему Достоевского. Этот анализ проведен в ракурсе ценностей, доминирующих в мышлении автора и комментатора. Впервые в достоевковедении осуществляется доказательство несостоятельности точки зрения Достоевского на пушкинское стихотворение «Египетские ночи». Тем самым вывод об искажении Достоевским смысла этого стихотворения переходит из статуса декларируемого в статус доказанного. Это позволяет продвинуться вперед в понимании «Пушкинской речи» как объективно антипушкинской.

Review: The author of the present research article disproves of Fedyor Dostoevsky's evaluation of Pushkin's poem 'Egyptian Nights' shared by Dostoevsky in his 'speech on Pushkin' on June 8, 1880. Pushkin's call for humanism is the main value for Dostoevsky but Pushkin's personal ideology is the main ideological opponent of Dostoevsky. So when praising Pushkin for his humanity Dostoevsky destroys the grounds of Pushkin's ideology. His interpretation of 'Egyptian Nights' is an attempt of the ideologist of Pochvennichestvo to destroy 'personality' in order to clear a space for 'God' and 'people' as grounds of the Russian culture and thereby using Pushkin's 'Egyptian Nights' for proving the idea of Narodnichestvo and religiosity as the grounds of Dostoevsky's own concept of humanity. From this point of view Dostoevsky's 'speech on Pushkin' is objectively 'anti-Pushkin'. The researcher applies the comparative socio-cultural analysis of Pushkin's poem 'Egyptian Nights' and Dostoevsky's comments on it. The analysis is carried out from the point of view of values that are dominating for the author and Dostoevsky. For the first time in studies of Dostoevsky the researcher proves the failure of Dostoevsky's point of view on Pushkin's series of 'Egyptian Nights'. Therefore the conclusion about Dostoevsky's misinterpretation of the meaning of 'Egyptian Nights' can be considered to have been proved. This allows to progress in our understanding of the speech on Pushkin as an objectively anti-Pushkin speech.

Ключевые слова: Пушкин, Египетские ночи, Достоевский, Пушкинская речь, любовь, смерть, секс, поэт, поэзия, цель поэзии.

Keywords: Pushkin, Dostoevsky, Egyptian Nights, Speech on Pushkin, love, death, sex, poet, poetry, the purpose of poetry.

Пушкин: «Зачем арапа своего // Младая любит Дездемона...? // Затем, что ветру и орлу. // И сердцу девы нет закона».

Достоевский: «Вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обе-

¹ Пушкин А. С. Египетские ночи. (Отдельные части этой повести были написаны в 1824, 1828 и 1833 гг. Целиком создана, по видимому, в 1835 г. Впервые опубликована в 1837 г.) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 6. М. – Л. Изд-во АН СССР. 1949. С. 371 – 389, 759.

² Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 19. Л., «Наука». 1979. С. 137. Далее ссылки на Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского будут даваться как: Достоевский с указанием номеров тома и страницы.

зумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца».³

Достоевский: «... Нет, никогда поэзия не восходила до такой ужасной силы, до такой сосредоточенности в выражении пафоса! От выражения этого адского восторга царицы холодеет тело, замирает дух... и вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш божественный искупитель. Вам понятно и слово: искупитель».⁴

Я расположил рядом основную мысль Пушкина в его повести «Египетские ночи» и основную мысль Достоевского, комментирующую содержание «Египетских ночей» в его «ответе «Русскому вестнику»» и в его «Пушкинской речи». Я хотел, чтобы читатель увидел: между этими мыслями нет ничего общего.

В 1837 г. в журнале «Современник» уже после смерти Пушкина была опубликована его повесть «Египетские ночи», в которой определяется сущность поэзии, а через нее – сущность личности. Но это не лекция, а художественное произведение, входящее в золотой фонд русской поэзии.

Повесть состоит из двух стихотворений. В первом стихотворении определяется основной принцип поэзии – свобода творчества. Во втором – основание свободы, ее мера. В нем царица Клеопатра бросает вызов своим подданным, участникам царского пира, которые уверяют ее в своей любви к ней. Она предлагает им купить ее любовь на одну ночь. Цена покупки – жизнь. Трое принимают вызов. В фокусе повести – анализ вызова и ответа. И вопрос: что такое быть поэтом? Тот, кто бросает общепринятого вызов, не может не быть поэтом. И не может не быть поэтом тот, кто вопреки общепринятого принимает его. Идея повести: поэзию вызова-ответа создает только свободная личность, но мера способности быть личностью, смерть. Двухэтажная концепция поэзии убедительна. И вот уже двести лет после смерти Пушкина повесть – поле горячих споров комментаторов различных идеологических направлений.

В 1861 г. в статье «Ответ «Русскому вестнику»» Достоевский написал комментарий

к «Египетским ночам», в котором убеждал читателя, что в повести изображено аморальное, разлагающееся общество, и доказывал необходимость прихода Иисуса, чтобы спасти души этих людей. Достоевский в этом комментарии и прошел мимо пушкинской концепции поэзии, и дал такую интерпретацию персонажей повести, которой у Пушкина нет. Это не было оплошностью Достоевского, о которой он впоследствии сожалел. 8 июня 1880 г. в знаменитой «Пушкинской речи», призванной объявить о всемирном значении творчества поэта, он повторил свою оценку двадцатилетней давности.⁵

Как и зачем искажил Достоевский Пушкина?

1. «Египетские ночи» как фокус конфликта между идеей личности и религиозной моралью

Достоевский – идеолог религиозного народничества, не мог пройти мимо «Египетских ночей». Он отнесся к повести как к своему идейному противнику. Потому что слишком силен в ней личностный момент, слишком высока художественная сила и идеологическая убедительность этого произведения, слишком мешала пушкинская повесть Достоевскому обосновывать свою публицистику через почвенную идею.

Чтобы уничтожить противника, Достоевский должен был, прежде всего, разрушить двухэтажный объяснительный механизм повести. Сказать, что пушкинская интерпретация смысла поэзии не верна, он не мог. Не мог он позволить себе открыто выступить против Пушкина. Единственное, что он мог – пройти мимо пушкинских обобщений. И в своем комментарии к «Египетским ночам»⁶ Достоевский сделал вид, что первого стихотворения, как бы, не существует. Это позволило ему анализировать пир Клеопатры в отрыве от первого стихотворения. Что же у него получилось? Он устранил из идеи повести доказательство принципа личности как нового основания русской культуры и ввел в нее доказательство необходимости религиозной морали, спасающей русского человека от греха, как единственно возможного основания русской культуры. Объясняя людям «Египетские ночи», он, как древний монах, закрыл слоем олифы

³ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // Достоевский. Т. 26. С. 146.

⁴ Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский. Т. 19. С. 137.

⁵ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // Достоевский. Т. 26. С. 146.

⁶ Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский. Т. 19. 1979. С. 135-137.

подлинник, чтобы затем иметь возможность нанести на него новый рисунок...

...Передо мной два текста. Бессмертные стихи Пушкина, которые все знают, и комментарий Достоевского к ним. Тексты – в непримиримом конфликте. Они спорят о человеке. О том, каким способом человек ощущает себя человеком: опираясь на исторически сложившуюся культуру в себе или создавая в себе новую культуру, культуру личности? Это спор цивилизаций. О ценностях и смысле жизни. И перед этими текстами я – арбитр, пытающийся рассудить спор. Что я собираюсь делать, объясняя идею «Египетских ночей»? Действовать как реставратор – очистить оригинал от олифы и вернуть подлинник людям в его первоначальной чистоте.

Спор личности и культуры в русской литературе начался задолго до Достоевского. Достоевский вслед за Гоголем вносит в него новый методологический момент. Новизна этой методологии не существенна, но она есть, и о ней надо сказать. Что он делает? Отделяя веру от религии, он вводит в спор идею Иисуса, его образ. Иисус Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и еще более Иисус Достоевского в комментарии к «Египетским ночам» – это не символ правильной интерпретации религиозных догматов, как например, у Фонвизина в «Бригадире», а символ веры. Достоевский делает первый шаг, спуская божественное с небес на землю, отделяя веру от религии. Но он не делает второго, важнейшего – не расчленяет богочеловеческий смысл образа Иисуса на божественное и человеческое. Не переинтерпретирует основание способа спасения. Он новыми для русской литературы средствами укрепляет архаику – подтверждает исторически сложившийся потусторонне-спасающий искупляющий статус божественного во всей его религиозной фундаментальности.

В пушкинской повести Иисуса нет. Но Достоевский в свой анализ вводит Иисуса как идею, чтобы сказать: если Бога нет, то все позволено. Безнравственность царицы Клеопатры возникает как преступление против человечности. Этот грех исправить невозможно, его можно только искупить, и для этого нужен Иисус – божественный искупитель. Логикой сюжета повести такой прием оправдан. Реальная Клеопатра жила в I в. до Рождества Христова и Иисус действительно проповедовал среди людей примерно той эпохи, которые действуют в повести в качестве персонажей. Мог Иисус явиться таким людям? Мог. Чтобы

действовать как реставратор, я должен пойти вслед за Достоевским и представить себе, зачем Иисус мог прийти к таким людям как пушкинские герои. Искупить их грех своей смертью – традиционная цель, на которую указывает Достоевский? Или у него была другая цель?

Пушкин вкладывает стихи «Египетских ночей» в уста итальянского поэта-импровизатора. Вот его первая поэтическая импровизация.

2. Поэт – результат способности человека быть личностью и измерять эту способность смертью

В первой импровизации два персонажа – «прохожий», представитель исторически сложившейся морали, общественного мнения, толпы и «поэт», который выражает и представляет самого себя. Он служит только своей способности быть независимым от стереотипов культуры, формировать новые смыслы, то есть быть личностью. В переходе к независимости от культуры – смысл личности. Центральный вопрос стихотворения: «Зачем поэт пишет стихи?». Вот как это у Пушкина.

Поэт идет – открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...

«Скажи: зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет».

«Прохожий» хочет, чтобы поэт утверждал в обществе высокую мораль. Анализ же «ничтожного» человека – путь недостойный поэзии, «бесплодный».

Ответ Пушкина: поэт не знает, чего захочет в своей импровизации его Поэзия-Муза-Лира. «Тщетно я сам захотел бы это объяснить», – говорит пушкинский итальянец. Поэт за нее не отвечает и заботится лишь о том, чтобы

Муза не изменяла своей самости. Поэт чувствует приближение Бога. Его лицо бледнеет. Глаза сверкают чудным огнем. Он трепещет как в лихорадке. Что происходит в момент поэтического творчества? Поэт формирует новую меру своей независимости от культуры. Зачем? Отрываясь от культуры, в свободном полете своей поэзии он переопределяет себя как независимую личность. В каждом новом стихотворении заново.

– Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?

Моральный прохожий подчеркивает бессмысленность того, что делает поэт. Если «ветр» «крутится» в овраге, то он бесполезен. Крутиться он должен там, где нужен – например, в море, на котором штиль, потому что корабль без ветра в парусах идти не может. И т. д. Если поэзия бесполезна, то зачем она? Ответ Пушкина:

Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Таков поэт: как Аквилон
Что хочет, то и носит он -
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона избирает
Кумир для сердца своего.

Пушкин, как я уже говорил, создает в повести концепцию поэзии и поэта как личности. И в первом стихотворении он формулирует основной постулат этой концепции на самом высоком уровне абстракции: поэт свободен от культуры, общества, морали, пользы, потому что личность свободна. А если поэт не личность, он не поэт. Личность и поэт – разные понятия, но у Пушкина они синонимы. Смысл личности сформулирован через независимость человека от диктата культуры. Личность – результат выхода человека за рамки традиции и поиска адекватной меры выхода. Это проблема творчества.

Концепция личности в первом стихотворении «Египетских ночей» поставлена как фи-

лософский тезис, абстракция. Но этого не достаточно. Надо идти дальше. Нужна конкретизация. Надо указать на меру способности личности быть поэтом, нравственно оправдать эту меру.

И Пушкин вкладывает в уста своего итальянца вторую поэтическую импровизацию... Оркестр заиграл. «Уже импровизатор чувствовал приближение Бога»... Родился образ пира Клеопатры.

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;...

Разворачивается художественный вымысел и начинается второй раунд пушкинского теоретизирования.

3. Клеопатра – женщина, поэт, личность

Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
И пышный пир как будто дремлет.
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подъемлет
И с видом ясным говорит:
В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою? –
Рекла – и ужас всех объемлет
И страстью дрогнули сердца...
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...

А далее страшная клятва Клеопатры, вдохновившая Достоевского на его критику «Египетских ночей».

Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь – до утренней зари
Моих властителей желанья

Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь – под смертною секирой
Глава счастливец отпадет.

Неожиданный поворот событий, не правда ли? Именно в этом пункте сюжета разворачивает Достоевский обвинения Клеопатры в безнравственности. Он обвиняет ее в том, что она уничтожает смысл любви. Но я думаю, она его поднимает. Вот мои аргументы.

Вроде бы странно звучат в устах царицы слова «купить» и «равенство восстановить» да еще и «ценою жизни». Зачем ей «равенство»? Ведь она легко может получить в любовники любого из присутствующих. Стать фаворитом царицы – мечта любого из них. Но именно в поиске смысла любви, меры любви, основания любви и начинается концепция личности Пушкина. Где мера любви человека к человеку? – основной вопрос повести. И это не вопрос красоты художественного вымысла. Для Пушкина есть только один критерий любви – смерть. Но почему смерть? Потому что только смерть без лукавства уравнивает людей. А любовь, которая «крепка, как смерть»⁷, возможна только между равными. Почему этот критерий важен? Потому что люди живут в иерархизированном обществе. И отношения людей, хотя бы они того или нет, беспощадно иерархизированы. И даже в постели между царицей и ее фаворитом нет равенства. Мы, люди XXI века, хорошо это знаем из истории фаворитизма в самодержавных дворах древности и Средневековья.

Любовь же ломает социальную иерархию. Как исторически сложившуюся и надоевшую статику. Отодвигает ее на периферию ценностного круга. А в эпицентр отношений помещает сложную и рискованную динамику – взаимопроникновение обнаженных душ и независимых интеллектов. Поиск родной души – всегда инновация, потому что обещает встречу с новым. Но с таким новым, которое способно стать своим, родным. Поэтому поиск любви поэтичен, лиричен, интимен, радикально индивидуален. Сакрализуя равенство влюбленных перед любовью, он ломает иерархию как устаревшую традицию. Любящий антитрадиционен. Он способен выйти за свои

сложившиеся пределы ради диалога с Другим, способным выйти за свои традиционные пределы. Глубже синтеза душ ничего быть не может. Этот новый синтез обновляет человеческое в человеке. Критерием такого синтеза может быть только отказ от обновления, от поэзии диалога, от тайнописи этого диалога, то есть смерть. И ничто другое. Динамика жизни и смерти лежит в основе поэтического творчества и смысла личности.

А теперь, когда я изложил, как мне кажется, основы пушкинской концепции поэзии-личности-любви, вернемся к Клеопатре, к ее предложению участникам пира.

Клеопатре не нужен любовник. Ее не мучает похоть. Ее беспокоит обычный для поэтов вопрос: как в отношениях людей выйти на настоящую любовь? Как изобрести инструмент, позволяющий дотронуться до личностного в человеке, и проверить, как этот инструмент работает? И она понимает, что таким инструментом может быть способность человека переступить через иерархию отношений с ней-царицей ради любви к ней. Голос любви может быть услышан только двумя равными в отношениях друг с другом. Но чтобы в эксперименте не было лукавства, критерием любви равных может быть только смерть. Способность к любви, измеряемой смертью – разве не в этом суть человеческого?

Вот такая философия и какой вопрос посетили пушкинскую Клеопатру на пире. Этот вопрос она адресует своим поклонникам в несколько иной форме: «В моей любви для вас блаженство?». Она повторяет то, в чем они чуть не хором ее убеждают: они любят ее и жаждут ее любви как вечного блаженства. Она им возвращает их же мысль: в моей любви для вас полнота бытия? Смысл жизни? А что является мерой этой полноты, этого смысла и вечного блаженства? И далее как роковой звук трубы, беспощадно разрезающий медоточивый хор виолончелей: «Блаженство можно вам купить», цена – жизнь. Но оно не странное это ужасное предложение. Любовь, которая вечное блаженство, которая полнота бытия и смысл жизни, не продается и не покупается. Ее ценой, господа, может быть только жизнь. – Как? Вы не знали? Задето самое основное в славословии участников пира – мера их искренности. Вот почему предложение Клеопатры приводит пирующих в ужас и смущение. И это не шутка всесильной царицы. Потому что смертью не шутят. Странно? Нет. Пушкин прав, по-другому быть не может.

⁷ Песнь П. 8:6.

Так кто такая Клеопатра? Женщина, которая хочет выйти за свои царские пределы, личность. Но «выйти за свои пределы» не может царь, на это способен лишь поэт.

Теперь, когда мы знаем о Клеопатре все, можно перейти и к Достоевскому.

4. Клеопатра – «кровавая гиена»?

Достоевский: «Пир; его картина. Царица была весела, она оживляла своих гостей, но вот задумалась, она склонилась головой над золотой чашей; гости безмолвны, все молчит. Эти гости, вероятно, знают свою царицу и ждут чего-нибудь чрезвычайного. Это рабы ее; а она – это представительница того общества, под которым уже давно пошатнулись его основания. Уже утрачена всякая вера; надежда кажется одним бесполезным обманом; мысль тускнеет и исчезает: божественный огонь оставил ее; общество совратилось и в холодном отчаянии предчувствует перед собой бездну и готово в нее обрушиться. Жизнь задыхается без цели. В будущем нет ничего; надо требовать всего от настоящего, надо наполнить жизнь одним насущным. Все уходит в тело, все бросается в телесный разврат, и, чтоб пополнить недостающие высшие духовные впечатления, раздражает свои нервы, свое тело всем, что только способно возбудить чувствительность. Самые чудовищные уклонения, самые ненормальные явления становятся мало-помалу обыкновенными. Даже чувство самосохранения исчезает. Клеопатра – представительница этого общества. Ей теперь скучно; но эта скука посещает ее часто. Что-нибудь чудовищное, ненормальное, злорадное еще могло бы разбудить ее душу. Ей нужно теперь сильное впечатление. Она уже извела все тайны любви и наслаждений, и перед ней маркиз де Сад, может быть, показался бы ребенком. Разврат ожесточает душу, и в ее душе давно уже есть что-то способное чувствовать мрачную, болезненную и проклятую радость отравительницы Бренвелье при виде своих жертв. Но это душа сильная, сломить ее еще можно не скоро; в ней много сильной и злобной иронии. И вот эта ирония зашевелилась в ней теперь. Царице захотелось удивить всех этих гостей своим вызовом; ей хотелось насладиться своим презрением к ним, когда она бросит им этот вызов в глаза и увидит их трепет и почувствует в себе стук этих дрогнувших страстью сердец. Но ее мысль уже овладела и ее душой вполне. Страсть уже пробежала ядовитой струей и по ее нервам. О, теперь и ей хотелось бы, чтобы

приняли ее чудовищный вызов! Сколько неслыханного сладострастия и неизведанного еще ею наслаждения! сколько демонского счастья целовать свою жертву, любить ее, на несколько часов стать рабой этой жертвы, утолить все желания ее всеми тайнами лобзаний, неги, бешеной страсти и в то же самое время сознавать каждую минуту, что эта жертва, этот минутный властитель ее заплатит ей жизнью за эту любовь и за гордую дерзость своего мгновенного господства над нею».

Не довольно ли? Нужно еще? Пожалуйста.

«Гиена уже лизнула крови; ей грезится теплый пар ее; он будет ей грезиться и в последнем моменте наслаждения. Бешеная жестокость уже давно исказила эту божественную душу и уже часто низводила ее до звериного подобия. Даже и не до звериного; в прекрасном теле ее кроется душа мрачно-фантастического, страшного гада: душа паука, самка которого съедает, говорят, своего самца в минуту своей с ним сходки. Все это похоже на отвратительный сон».

Ну как? Отвратительный сон написал Пушкин, не правда ли? Дело, однако, в том, что у Пушкина ничего этого нет. Это фантазии Достоевского.

«Развратному садизму», «неслыханному» «зверскому сладострастию», «демонскому счастью», «бешеной жестокости», «звериному подобию» Клеопатры Достоевский посвящает множество строк. Дает ли Пушкин основание для таких фантазий? Нет. Пушкин говорит не о сладострастии Клеопатры, а о возможном сладострастии ее возможных любовников: «Клянись – до утренней зари// Моих властителей желанья //Я сладострастно утомлю// И всеми тайнами лобзанья//И дивной негой утолю». Кто здесь предполагаемый «властитель желанья»? Она? Нет, они. Она «сладострастно утолит» свои желания? Нет, их желанья. Она ни слова не говорит о своем сладострастии. Что же она делает? Она лишь «гордо», «с холодной дерзостью» дразнит мужчин, бросает им вызов, играет их самолюбием, предлагая сделку – «как простая наемница» продает свое тело на три ночи. Без страсти, без восторга, без наслаждения. И обещает высокое качество услуги. Она хоть и царица, но все будет по настоящему, господа, клиент будет доволен... Но и казнь будет настоящей.

Стоп. Здесь я останавливаюсь и спрашиваю себя: что происходит? Женщина предлагает мужчине свою любовь или ночь секса? Если любовь, то зачем казнить любовника? А если ночь, то зачем секс называть любовью? Мой

ответ: она, господа, пытается найти человека, который ее любит. Мужчина, готовый отдать за ее любовь жизнь, нужен ей как воздух. И она ищет его. Совершенно обычным для женщины способом. Ничего экстравагантного. Она мечтает о вечной любви и предложила участникам пира лишь то, что имеет в виду любая женщина, которая хочет беззаветно любить и быть беззаветно любимой. Что? Отдать за нее жизнь. За ночь секса? Да нет же. За ее любовь. И обещает ему секс, и клянется его казнить, но хочет-то она одного – полюбить того, кто по настоящему ее любит. Правильным ли путем она идет? И каков может быть конец этой истории? Не знаю. Пушкин не случайно прервал свое стихотворение на его пике... Клеопатра права лишь в одном: раз для нее вопрос «любить или не любить?» звучит как «жить или не жить?», то критерий такой любви только смерть... И не надо ничего домысливать.

Но если у царицы нет «демонского», «адского восторга» от проекта предстоящей ночи с будущей жертвой и она не «страшный гад», не «паук» и не «кровавая гиена», то зачем все это Достоевский придумал? Вот в чем вопрос. Прежде, чем ответить на него, давайте рассмотрим три истории, три личных дела тех, которые приняли ее вызов.

5. Воин

Вдруг из толпы один выходит,
 Вослед за ним и два других.
 Смела их поступь; ясны очи;
 Навстречу им она встает;
 Свершилось: куплены три ночи,
 И ложе смерти их зовет.
 Благословенные жрецами,
 Теперь из урны роковой
 Пред неподвижными гостями
 Выходят жребии чредой.

И первый – Флавий, воин смелый,
 В дружинах римских поседельный;
 Снести не мог он от жены
 Высокомерного презренья;
 Он принял вызов наслажденья,
 Как принимал во дни войны
 Он вызов ярого сраженья.

Достоевский: «Жрецы вынимают жребий. Первый – Флавий. Это старый солдат: он посидел в римских дружинах и в битвах за республику. Ему не надо наслаждений. Он принял вызов, потому что в нем воспрянула гордая

душа римлянина, не могущая снести презренья от женщины. Конечно: это только тупая гордость, это ограниченное чувство воинской чести, но это чувство благородное, смелое; это уже человек, а не раб; стало быть, еще не все потеряно; разврат и разрушение не охватили еще своим огнем всего, не спалили, не заразили еще всей души общества. В нем еще есть силы для борьбы, но надолго ли!».

Достоевский представляет читателю такую интерпретацию Флавия, которой у Пушкина нет. Почему Флавий – «уже человек, а не раб»? Потому что в условиях развратного общества он – носитель высокой морали: «разврат и разрушение» «не охватили», «не заразили», «не спалили» и т. д. его, а его личную культуру определяет, по Достоевскому, «тупая гордость» и «ограниченное чувство воинской чести». Да нет же. Моральное/аморальное – это не те слова, с помощью которых Пушкин описывает своего героя. В Флавии также не говорит «тупая гордость» – он не солдафон и не тупица. И в нем отнюдь не говорит «ограниченное чувство воинской чести» – он не собирается выступить перед царицей как заслуженный, но недооцененный солдат. Что же произошло с Флавием?

Вызов царицы брошен лично ему. И перед ним тень смерти. Культура приказывает ему пасть ниц перед ужасом, исходящим от воли богопомазанной владычицы. Но страх не поселился в его душе. В нем вспыхивает гордость воина. Судьба ему улыбнулась. Хороший шанс. Единственный в жизни. Его посетило вдохновение: он принял вызов. Он не хочет унижения от женщины, но это не значит, что он не хочет встречи с женщиной. Она одарила его «высокомерным презреньем», а он, отведав его, смело ответил вызовом на вызов. В его воображении уже не он платит царице за наслаждение, а она ему наслаждением за то, что он принимает ее вызов. В споре они равны. Поэтическое чувство поседевшего воина хочет испытать встречу... не с ней, с собой – дерзким, сильным, независимым, помолодевшим. Он хочет победить... не ее, себя, униженного царскими пирами. Он счастлив быть личностью. «Он принял вызов наслажденья, // Как принимал во дни войны // Он вызов ярого сраженья». Достоевский пишет о нем: «В нем еще есть силы для борьбы, но надолго ли!». Не верно. Флавий не изнемогает. Отодвинув на периферию своих интересов моральное/аморальное, он идет в «ярое сражение» за себя подлинного и чувствует себя прекрасно. Он воин. И... поэт.

6. Философ

За ним Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.

Достоевский: «Смотрите на представителей будущего; вот Критон, молодой эпикуреец, его божество – Киприда, его культ – наслаждение. Он еще молод; еще слишком велики в нем жизненные силы; он отдается наслаждению со всем жаром молодости и необъятных сил ее; но ведь это только молодость. Он делает хорошо, что умирает теперь, когда его впечатления еще свежи и богато-жизненны. Он еще не знает ни разочарования, ни отчаяния... Если б он остался жить, он бы присутствовал при известном чудовищном браке Нерона, записанном в истории...».

О чем пишет Достоевский? Он пишет, что молодой философ очарован жизнью в развратном обществе. Но он еще молод, и этого не понимает. Рано или поздно он все поймет и его постигнет разочарование. Он поймет, что приглашение его на царское ложе – знак разврата. Поступок Клеопатры Достоевский сравнивает с поступком римского императора Нерона, который, утопая в разврате, заключил чудовищный брак с юношей.

Зря Достоевский пугает читателя сценами падения нравов, которые действительно были характерны и для римского и для египетского дворов той эпохи. У Пушкина идея секса с царицей – лишь художественный прием, с помощью которого он выстраивает сюжет. Не более того.

Кто же он – пушкинский Критон? Юный греческий философ. Убежден: познание красоты и любви освобождает от страха смерти и суеверий. Красота, Любовь, Наслаждение – его боги. Они услышали зов юноши, увидели в нем своего избранника и награждают царской красотой и любовью царицы за верность. Что для него жизнь, если ее ценой он может сделать шаг навстречу своим богам? Он счастлив этой встречей. Так что же: Критон наивный молодой человек, не имеющий представления о подлинной нравственности и променявший жизнь на ночь с развратной женщиной? Он античный герой, философ. И... поэт.

Разве Сократ, принявший чашу цикуты, не был поэтом?

7. Влюбленный юноша

Последний (третий принявший вызов – А. Д.)
имени векам

Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.

Достоевский: «Вот отрок; его имя неизвестно; но восторг любви сияет в очах его; неопытная сила юной, беспредельной страсти кипит в молодом его сердце. Он с радостью, даже с благодарностью отдает свою жизнь; он о ней и не думает; он смотрит в лицо царицы, и в глазах его столько упоения, столько беспредельного счастья, столько светлой любви, что в гиене мгновенно проснулся человек, и царица с умилением взглянула на юношу. Она еще могла умиляться!».

Достоевский правильно интерпретирует в этом эпизоде мысль Пушкина. Суть эпизода – в любви юноши к царице. Все верно, кроме одной черты. Гиена-царица «с умилением» взглянула на юношу. «И она еще могла умиляться!». Достоевский нагнетает: «Человеческое чувство угастро, но зверский дикий восторг вспыхнул в ней еще сильнее пламенем, может быть, именно от взгляда этого юноши. О, эта жертва всех более сулит наслаждений!». Но в тексте повести этого нет. Не глядела Клеопатра на юношу с плотоядным умилением. Сладострастие гиены при взгляде на свою жертву – это не то, что хотел сказать Пушкин в эпизоде с влюбленным юношей. В царице было чисто человеческое чувство – грусть: «И грустный взор остановила// Царица гордая на нем». Ей было жаль казнить молодого красивого юношу.

Кто же он – пушкинский юноша?

Влюбленный. Ему не нужна жизнь без любви Клеопатры, и он рад предстоящей встрече с ней, своей богиней, пусть и ценою жизни. Достоевский называет его глупцом. Он глупец? Не ведает, что творит? Он влюблен. И он... поэт? ...Не знаю. Он юн. Настоящая поэзия требует зрелости.

8. Зачем Достоевский придумал «своего» Пушкина?

Я положил два произведения рядом – пушкинский текст «Египетских ночей» и интерпретацию Достоевского – чтобы читатель мог

убедиться: Пушкин ничего того, что говорится в интерпретации, не писал. А также убедиться, что неслучайно Пушкин в одной повести поместил два стихотворения рядом. В первом он изложил основной принцип поэзии и поэта – свободу творчества. Во втором – смерть как меру этой свободы. Достоевский прошел мимо пушкинской идеи «Египетских ночей» и придумал «своего» Пушкина.

Зачем же, спросите вы, Достоевскому понадобилось это делать? Но «своего» Пушкина выдумывал не только Достоевский. Это делали символисты, футуристы, акмеисты, -исты всех мастей и оттенков, представители критического и социалистического реализма, «пролетарские писатели», религиозные и народнические деятели крупного и мелкого масштаба. Авторитет Пушкина в России настолько высок, что его «присваивали» и продолжают «присваивать» все без исключения идеологи и профессионалы пера всех без исключения послепушкинских поколений. Такое «присвоение», то есть степень и способ извращения, у всех разный.

Зачем же Достоевский придумал «своего» Пушкина? Пушкинский призыв к общечеловечности – основная ценность для Достоевского, но личностная идеология Пушкина, то есть смысл личности как основание общечеловечности – главный идейный противник Достоевского. И, восхваляя Пушкина за всечеловечность, Достоевский беспощадно разрушает основания пушкинской идеологии. И в «Пушкинской речи», и в его комментариях к ряду пушкинских произведений. Его интерпретация «Египетских ночей» – это попытка идеолога-почвенника расчистить место для подмены содержания пушкинского призыва к общечеловечности. Уничтожить «личность», чтобы освободить место для «Бога» и «народа» как оснований русской культуры и тем самым поставить пушкинский текст на службу своей идее народничества и религиозности как основания собственного представления об общечеловечности. И чтобы его усилия по опровержению Пушкина выглядели нравственно, он пытается опереться на авторитет Иисуса. Такова идеология подмены, которая обнаруживается во многих высказываниях Достоевского о Пушкине и, в частности, в комментарии к «Египетским ночам». А что Иисус?

Вводя Иисуса в свой анализ повести и борясь против личностного начала пушкинской повести, Достоевский бросает вызов мне, который занят тем, чтобы снять олифу с пушкинского произведения. Отказывая Клеопатре в праве

видеть в себе личность, Достоевский пишет: «... Нет, никогда поэзия не восходила до такой ужасной силы, до такой сосредоточенности в выражении пафоса! От выражения этого адского восторга царицы холодеет тело, замирает дух... и вам становится понятно, к каким людям приходил тогда наш божественный икупитель. Вам понятно и слово: икупитель».

Я принимаю вызов: раз Достоевский вводит Иисуса как символ спасения падших персонажей Пушкина, чтобы привести их к праведной жизни, то есть реагирует на то, чего в пушкинском тексте нет, я предлагаю иную интерпретацию этого символа.

9. Зачем Иисус приходил к людям?

Пушкин, Клеопатра, Флавий, Критон, влюбленный юноша – почему эти имена так нравятся мне и... миллионам читателей «Египетских ночей»? Почему, несмотря на возражения Достоевского, эта повесть, сделанная из гремучей смеси парадоксальной логики, ереси и диссидентства, до сих пор исполняется в российских театрах, ставится на ТВ, входит в различные учебные программы? Почему она до сих пор вызывает споры?..

Потому что поэзия выше морали. Потому что поэт-еретик-диссидент-глупец в России, выдавливая из себя по капле «всесилие господина» и «бессилие раба», жизнью готов платить за то, чтобы защитить в себе достоинство нового человеческого. Достоинство личности.

Зачем же Иисус приходил к людям? Он, как сообщают апостолы, проповедовал в стихотворной форме. Если это так, то зачем Иисус-поэт приходил к Пушкину, к его Клеопатре, Флавию, Критону, к его влюбленному юноше?

Иисус никого не спасал. Поэт пришел поддержать поэтов в их борьбе за свое достоинство. Он нес еретическую идею личности в себе. Он услышал вызов Клеопатры. И добровольно взшел на крест, чтобы ценой своей жизни утвердить на земле начало новой эпохи – эпохи достоинства личности. Нового достоинства.

10. Эпилог

«Зачем арапа своего//Младая любит Дездемона»? Почему «крутится ветер» в бесполезном «овраге», а Клеопатра, сделав странный выбор, бросает обществу свой беспощадный вызов? Пушкин говорит, что не знает, потому что не знает, как творится поэзия. Но он знает, что выбор личности бесценен. Его смысл – свобода. Цена – жизнь.

Библиография:

1. Пушкин А. С. Египетские ночи. (Отдельные части этой повести были написаны в 1824, 1828 и 1833 гг. Целиком создана, по-видимому, в 1835 г. Впервые опубликована в 1837 г.) // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 6. М. – Л. Изд-во АН СССР. 1949. С. 371--389, 759.
2. Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 19. Л., «Наука». 1979. С. 137. Далее ссылки на Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского будут даваться как: Достоевский с указанием номеров тома и страницы.
3. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // Достоевский. Т. 26. С. 146.
4. Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский. Т. 19. С. 137.
5. Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // Достоевский. Т. 26. С. 146.
6. Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику». // Достоевский. Т. 19. 1979. С. 135-137.
7. Песнь П. 8:6
8. Давыдов А.П. А. С. Пушкин. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») и комментарий к нему Ф. М. Достоевского. // Культура и искусство. – 2014. – 2. – С. 197-205. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12296.
9. Давыдов А.П. А. С. Пушкин. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») и комментарий к нему Ф. М. Достоевского. // Культура и искусство. – 2014. – 2. – С. 197 – 205. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12296.

References (transliterated):

1. Pushkin A. S. Egipetskie nochi. (Otdel'nye chasti etoi povesti byli napisany v 1824, 1828 i 1833 gg. Tselikom sozdana, po vidimomu, v 1835 g. Vpervye opublikovana v 1837 g.) // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. v 10 tomakh. T. 6. M. – L. Izd-vo AN SSSR. 1949. S. 371--389, 759.
2. Dostoevskii F. M. Otvet «Russkomu vestniku». // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 19. L., «Nauka». 1979. S. 137. Dalee ssylki na Poln. sobr. soch. F. M. Dostoevskogo budut davat'sya kak: Dostoevskii s ukazaniem nomerov toma i stranitsy.
3. Dostoevskii F. M. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. // Dostoevskii. T. 26. S. 146.
4. Dostoevskii F. M. Otvet «Russkomu vestniku». // Dostoevskii. T. 19. S. 137.
5. Dostoevskii F. M. Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 iyunya v zasedanii Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti. // Dostoevskii. T. 26. S. 146.
6. Dostoevskii F. M. Otvet «Russkomu vestniku». // Dostoevskii. T. 19. 1979. S. 135-137.
7. Pesn' P. 8:6
8. Davydov A.P. A. S. Pushkin. Strannik («Odnazhdy stranstvuya sredi doliny dikoi...») i kommentarii k nemu F. M. Dostoevskogo. // Kul'tura i iskusstvo. – 2014. – 2. – С. 197-205. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12296.
9. Davydov A.P. A. S. Pushkin. Strannik («Odnazhdy stranstvuya sredi doliny dikoi...») i kommentarii k nemu F. M. Dostoevskogo. // Kul'tura i iskusstvo. – 2014. – 2. – С. 197 – 205. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12296.